

ТЕРПСИХОРА НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

Гастроли Театра танца из Якутии

Независимая газета. — 1998.
— 7 апр. — с. 7

Майя Крылова

ПРИ УПОМИНАНИИ Республики Саха (Якутия) в голове жителя европейской России возникает: «золото—алмазы—морозы». У более продвинутых добавляется, «шаманы—обряды—экзотика». И уж самые образованные вспомнят, что первые строки о Якутии в русской литературе написаны Ломоносовым, и говорится в них вовсе не о климате и недрах, а о возможности искусства: «Широкое открыто поле, где музам путь свой простирать!» На сегодняшний день путь простерт очень далеко. Муза танца Терпсихора тоже проживает на вечной мерзлоте.

Национальный театр танца из Якутска гастролировал в Москве впервые, хотя существует уже пять лет, обильно выступает за границей и получает на фольклорных фестивалях хорошие отзывы. При этом темы семи спектаклей репертуара посвящены не только этнографии народа Севера (что, безусловно, есть беспримыслие решение — при растущем повсюду интересе к «истокам» и глобальных усилиях ЮНЕСКО по сохранению многообразия мировых культур). Якутские артисты хотят играть спектакли, к которым неприменимо обязательное определение «фольклорный». Для того, видимо, и преобразовался в начале 90-х государственный ансамбль танца Якутии в Театр танца, а танцовщики бывшего ансамбля начали осваивать современные техники движения. В Якутии хотят быть открытыми всем театральным ветрам — и доказывать свое право так же обращаться к западной культуре за вдохновением, как западные творцы припадают к культуре Востока.

Два привезенных в Москву спектакля — полярны по исходному материалу и сценическим эмоциям. Этнобалет «Бохсуруйуу» (изгнание злого духа). И — неожиданно — «Лолита» по Набокову. Корешки народных традиций и вершки мировых бестселлеров. По самоопределению якутян — «север, его эстетика глазами современных

людей, живущих в век стереокино, видеоклипов, авангардного искусства» и «попытка выразить языком танца неповторимость набоковской прозы».

«Бохсуруйуу» — эпизоды шаманского камлания, выплески психоэнергии сильного человека во имя чужой отлетевшей души, которую нужно вернуть в бездыханное тело. Якутский вариант «жизни после жизни». Или языческая версия христианского самоотречения (борьба со злыми силами требует от шамана физических и духовных жертв). А с внешней стороны — классическая иллюстрация к теории мифа: культурный герой, сражающийся со демони-

рых держит в руках собственную голову, а другой берет форс собственным хвостом... Все это воспринимается сторонним, неякутским взглядом точно так же, как любое красивое, хорошо сработанное и непривычное действие: чем меньше понимаешь — тем больше любуешься, тем больше нравится.

«Лолита» — первая в России (и, возможно, на материке Евразия) попытка танцевального прочтения Набокова. Хореографов Лиру Габышеву и Людмилу Антипину вдохновил пример кино и драмы (по рассказам обеих, они знакомы с двумя американскими фильмами и знают о спектаклях Романа

торская неприязнь. Оттого герой не столько ищет любовь, сколько постигает смысл жизни (а страсть к нимфетке — средство). На сцену выходят «исторические персонажи с куклами», чтобы вызвать ассоциации с известными дуэтами: Ромео с Джульеттой, кажется, Тристан с Изольдой, вероятно, Лейли с Меджнуном... «Расщепленный мир» героя — это удвоение и утроение персонажей (два Гумберта, две Лолиты, три Любовницы), а типы эмоций и характеров даны в первоизданной простоте: Лолита порхает, Шарлотта хорохорится в позах девушек из «Плейбоя», Гумберт качается в кресле-качалке или стоит в позе «березка». Объятия — корректны. Желание — облагоустроено. Общая точка зрения — бесхитростна.

Завороженные прочтением у Набокова фразами — готовыми танцевальными па (типа «разворачивая кольца своего тела» или «наш разговор шел в обратном порядке балетных мизансцен»), якутяне предоставляют выбор московской публике. При встрече крайней искусственности с крайней непосредственностью возможны два варианта оценок. Кто-то решит, что набоковская искусственность как раз и нуждается в «свежем взгляде» из Якутска. Кто-то улыбнется и пожмет плечами. Можно, впрочем, найти и третий, примиряющий ракурс. По-моему, самая близкая аналогия в этой постановке — как если бы «Гамлета», или «Войну и мир», или «Божественную комедию» взялся иллюстрировать Руссо-таможенник или Пиромосани. Или (еще ближе) — кто-то из народных самородков, художников-примитивистов, наша «бабушка Майкова», американская «бабушка Мотес». Тогда «Лолита» прочтается как эпизод из эпоса: архетипы «любви земной» и «любви небесной», существующие в образцово-показательных примерах. Такое решение уж точно не вызывает скандалов, запретов и возмущенных возгласов о «неприличии». И покажется вполне естественным для тех, кто знает древние традиции многих народов, ранние инициации женщин в том числе.

Этнобалет «Изгнание злого духа».
Фото Юрия Барыкина

ческими силами и с хаосом, в контексте и в отторжении с духами-помощниками и духами-врагами. Балетмейстер Геннадий Баишев строит впечатляющее шоу, в котором Нижний, Средний и Верхний миры якутского эпоса, густо населенные людьми, хвостатыми чертями, белыми старцами, духами Ворона, Собаки, Теленка и т.д., — объединены в пантомимно-танцевальном ритуале, а сложное либретто воплощается в логичной цепи «посвящения в шаманы». Экстатические танцы — притопы; спокойные хороры «айы» (добрых божеств); гримасы бесов, один из кото-

Виктюка и московского театра «Сфера»). Якутская «Лолита» — не столько балет, сколько (цитируя создателей) «живые картины», т.е. поэтические напевы и пластические фантазии, нечто, навязанное и воображаемое любителем историй о «бесмертной любви». В духе знаменитого набоковского самонаблюдения, трактующего «Лолиту» не как заранее просчитанную скандальную эротику, а как целомудренность и душевность.

Оттого задумчивому Гумберту и юной Лолите — декларированное авторское балетное сочувствие. А вульгарной Шарлотте — декларированная ав-